

о работе, имеющей серьезное научное, практическое значение и перспективы развития. Публикации и автореферат адекватно отражают содержание диссертации. Все сказанное является основанием для конечного вывода отзыва о соответствии диссертации и автореферата требованиям Положения

о порядке присуждения ученых степеней ВАК (п. 8), а также о том, что О.Ю. Багдасарян достойна присвоения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

В.Е. Головчинер

«ЧЕХОВ – ЭТО ПУШКИН В ПРОЗЕ»

Вынесенные в заголовок слова Л. Толстого могли бы стать эпиграфом к кандидатской диссертации Марии Владимировны Литовченко «Пушкинская традиция в прозе А.П. Чехова», написанной в Кемеровском госуниверситете под руководством доктора филологических наук, профессора Л.А. Ходанен и защищенной в совете филологического факультета ТГУ.

Тема диссертации, с одной стороны, абсолютно закономерна, поскольку ею объединены два имени, прочно связанные в русском культурном сознании. С другой стороны, связи эти, уже неоднократно отмечавшиеся и изучавшиеся, столь обширны, что намерение обратиться к ним еще раз, и к тому же в столь всеобъемлющем исследовательском аспекте, представляется несколько рискованным. Однако работа М.В. Литовченко доказывает не только его принципиальную осуществимость, но и продуктивность. Правомерность сопоставления Пушкина и Чехова не нуждается в пространных обоснованиях уже потому, что их творчество располагается у обеих границ классического периода русской литературы, открывая и завершая его; кроме того, специфическая «литературность» Чехова, хорошо знававшего свое историческое место, делает особенно плодотворным изучение разнообразных ретроспектив его отношений с русской культурой. Однако отношениям с Пушкиным здесь принадлежит исключительная роль, свидетельством чему может служить хотя бы тот факт, что только они удостоились особого монографического выпуска в серии «Чеховиана» («Чехов и Пушкин», М., 1998).

Актуальность исследования М.В. Литовченко определяется, на наш взгляд, целым рядом факторов, и в первую очередь потребностью системно и целостно осветить очевидную, активно изучаемую, но до сих пор не вышедшую из состояния дискретности чеховедческую проблему. Несмотря на многочисленные находки и содержательные параллели как между отдельными произведениями, так и между двумя творческими личностями, она остается скорее намеченной, чем решенной. Поэтому широкая, «панорамная» постановка вопроса, обозначенная темой диссертации, представляется вполне оправданной.

Изучение творчества классиков «первой величины» неизбежно требует рассматривать в качестве предмета исследования не только творчество самих писателей, но и огромный пласт материала критики и литературоведения. В данном случае перед М.В. Литовченко оказалось безбрежное море пушкиноведения, традиционно составлявшего элитарную и в то же время чрезвычайно населенную область в отечественном литературоведении, и едва ли не столь же изобильное чеховедение. Диссертантка подошла к своей задаче с полной ответственностью, о чем свидетельствует не только исключительно обширный список использованной литературы, но и добротный, основательный научный материал, которым она свободно, уместно и очень корректно оперирует по ходу своего исследования. При этом М.В. Литовченко очень экономно цитирует своих многочисленных предшественников, оптимально выбирая, где ей будет достаточно опереться на уже имеющиеся наработки, а в чем необходимо произвести собственный анализ. В качестве специфической, может быть, даже уникальной особенности данной диссертации отметим исключительно позитивный характер обращения к имеющимся исследованиям: М.В. Литовченко не вступает в полемику, не оспаривает то или иное высказывание, а обозначает свои предпочтения самим фактом обращения к той или иной работе. Это не только соответствует духу той художественной «объективности», которая присуща как Пушкину, так и Чехову, но и позволяет аккумулировать энергию на главном направлении исследования.

Обзор истории вопроса, представленный во Введении, выстраивает позиции чеховедов в логичный ряд постановок и корректировок рассматриваемого вопроса, демонстрируя, как постепенно кристаллизовались проблематика и основные аспекты данной диссертации. Таким образом, безусловно положительной ее стороной становится основательная отрефлектированность исследовательских задач.

Другой сильной стороной работы является прочность теоретической базы. Во Введении четко представлены современные методологические принципы сравнительного литературоведения, инструмента-

рий которого используется при анализе чеховской рецепции Пушкина. Отметим, что этот обзор не остается автономным теоретическим разделом Введения, а сориентирован на соответствующий материал и содержательно проиллюстрирован примерами, хорошо «работающими» на дальнейшее исследование.

Весьма удачной идеей представляется размещение во Введении специального раздела «Пушкин в контексте чеховской эпохи». Здесь достаточно лаконично и целенаправленно охарактеризованы не только основные события «пушкинианы» конца XIX в. (включая и научную пушкинистику, что вполне соответствует научным основам мировоззрения Чехова), но и новые тенденции в осмыслении творчества и личности великого поэта. Этот раздел позволяет определить грани интереса Чехова к Пушкину и, в плане организации данного исследования, выявить круг пушкинских произведений, на которые будет сделан главный упор при сопоставительном анализе. Недостатком данного раздела представляется не вполне четкая артикулированность различий между двумя подходами к Пушкину, «на пересечении» которых рассматривается чеховская позиция: эта неясность сохраняется и в п. 2 «Положений, выносимых на защиту», где «эстетическая оценка» указывается как доминирующий признак нового подхода, что противоречит наличию давней традиции, идущей еще от пушкинской эпохи и явственно оформившейся в «эстетической» критике 1850–60-х гг.

Глава 1 посвящена чеховской творческой рецепции романа «Евгений Онегин», что представляется совершенно обоснованным. Именно «Евгений Онегин» знаменует собой исток и модель русской классической литературы, своего рода метапроизведение, равноуровневые элементы которого закономерно в первую очередь оказываются в поле зрения исследователя и достаточно убедительно обнаруживаются в ряде произведений Чехова. Особенно содержателен здесь анализ «Рассказа неизвестного человека», который традиционно рассматривается чеховедами преимущественно в тургеневской парадигме. Несколько широковещательной кажется заявка, сделанная в названии параграфа 2 – «Образ пушкинской героини и концепция женского характера в творчестве Чехова»; при всей доказательности выявления черт Татьяны Лариной в Мисюль, Верочке (из одноименного рассказа) и Нади Зелениной («После театра»), вряд ли эти три образа можно считать достаточно репрезентативными для обобщения о чеховской концепции женского характера. Но в целом выводы о постепенном формировании в произведениях Чехова «целостного «онегинского» сюжета, включающего как отдельные мотивы и образы, так и фундаментальные основы

пушкинской поэтики» (с. 93), и о близости Чехову «художественной философии Пушкина, наиболее полно явленной в «Евгении Онегине»» (с. 94), хорошо обоснованы всем содержанием главы и становятся прочной основой для дальнейшего рассмотрения темы. Заключительная фраза главы, следующая за характеристикой пушкинской «объективности»: «Такое художественное мировоззрение является поистине чеховским» (с. 94), при известной доле условности, выражает принципиальную идею работы, акцентирующей именно глубокую общность двух рассматриваемых авторов.

Такой акцент порой влечет за собой некоторые перегибы в их сближении. Например, фамилию персонажа в рассказе «Воры» – Ергунов – диссертантка возводит к «ергак» (тулуп), усматривая здесь в контексте сопоставления с «Капитанской дочкой» намек на «заячий тулупчик», несмотря на гораздо более явную параллель с тургеневской «Историей лейтенанта Ергунова». Или, стремясь подчеркнуть общность, преувеличивает сходство реакций прижизненной критики на сопоставляемые в работе произведения Пушкина и Чехова и роли этих произведений в творчестве двух писателей; благодаря этому рассказ «Верочка» (1887) становится «переломным» для Чехова как начало выхода к серьезному творчеству, тогда как до него уже появились, например, «Святой ночью» и «На пути»; также оказывается переломным и «Черный монах», что утверждается с опорой на суждение современника Чехова Н. Михайловского, которое в доступной нам временной перспективе не подтверждается. Но подобные примеры являются лишь издержками плодотворного в целом стремления диссертантки к выявлению тех общих начал, которые определили исходный и итоговый «синтез» русской классической литературы, осуществленный Пушкиным и Чеховым.

Во второй главе эти общие начала устанавливаются при исследовании ключевых топосов пушкинского и чеховского творчества, к числу которых достаточно правомерно отнесена и «метель». Образы дороги и моря входят в состав универсального языка культуры и несут в себе поистине архетипический смысловой заряд. Степь и метель принадлежат к реальности национального бытия, освоение которой явилось решающим условием формирования русской классической литературы. На протяжении XIX в. все эти образы получили немало литературных модификаций; М.В. Литовченко, в силу ограниченности диссертационных рамок, оставляет промежуточные варианты за скобками и акцентирует основную общность пушкинской и чеховской трактовок этих топосов, заключающуюся в наделении их бытийной семантикой. Сравнительный анализ их функционирования в художест-

венных системах Пушкина и Чехова характеризуется широтой и точностью привлечения материала, оригинальностью и тонкостью наблюдений, что в целом ряде случаев дает весьма интересные результаты. Так, анализ повести «Степь» в контексте поэзии Пушкина оказывается во многом несвежим и позволяет усмотреть литературные истоки чеховского кризисного мировосприятия конца 1880-х гг. в пушкинском мотиве «равнодушной природы»; рассмотрение «Дуэли» сквозь призму морской образности в связи с поэзией Пушкина и мифопоэтикой моря вскрывает внутреннюю логику душевного возрождения Лаевского. Примеры продуктивного сопоставления можно умножить. Отметим также неизменно удачно применяемый во всей работе принцип подачи материала, заключающийся в предварении подробного анализа краткой и емкой фактографической справкой, что позволяет сочетать исчерпывающую эмпирическую полноту с глубиной рассмотрения наиболее существенных примеров. Напротив, определенное неудовлетворение вызывает отсутствие ясности относительно того порядка, в котором располагаются анализируемые произведения. Например, в разделе о «степи» поздний рассказ «В родном углу» предшествует ранней повести «Степь»; в третьей главе хронологическая последовательность тоже существенно нарушена, а какой-то иной принцип недостаточно эксплицирован. Это не позволяет четко соотнести отмеченные при анализе явления с перспективой творческого движения Чехова.

Третья глава посвящена по видимости чисто локальным, буквально «точечным» контактам чеховского и пушкинского творчества, осуществляемым в форме цитат. Однако, на наш взгляд, М.В. Литовченко удается именно здесь достичь наиболее плодотворных результатов в исследовании их «диалога». Понятие «интертекстуальность», значение которого для данной работы убедительно определено в начале главы, раскрывается как в высшей степени содержательное. Сопоставления произведений Чехова и Пушкина обнаруживают новые грани не только в текстах-«реципиентах», но и в источниках, высвечивая в них такие черты, которые становятся заметны благодаря новой акцентировке. В результате возникает картина действительно творческого диалога, осуществляемого в импли-

цитной форме, но реализующего принципиально важный смысловой потенциал не только двух конкретных произведений, но и двух творческих личностей и даже двух эпох. Так, в сопоставлении рассказа «Черный монах» с поэмой «Полтава» неожиданно и свежо звучит тема индивидуализма в связи с проблемой исторической памяти, в разделе, посвященном повести «Огни» и поэме «Медный всадник», – тема соотношения природы и культуры. Цитата из пушкинской поэмы становится здесь и поводом для интересных наблюдений над композицией и повествовательной структурой повести, а тем самым дает основания для ее интерпретации. В рассказе «Припадок» цитата из «Русалки» анализируется не только в связи с самим пушкинским произведением, но и с его опосредованием оперой А.С. Даргомыжского; неожиданным следствием такого рассмотрения оказывается выявление несостоятельности героя, образ которого обычно трактуется как «положительный» по преимуществу. Безусловно содержательным и тонким наблюдениям, сделанным по ходу сопоставительного анализа во всех параграфах этой главы, недостает соответствующих по глубине выводов.

В Заключении систематизированы и обобщены полученные результаты, а также сделаны некоторые необходимые дополнения, позволяющие уравновесить превалявавший в работе акцент на глубинной общности Пушкина и Чехова указанием закономерных различий между их художественными мирами. Безусловно ценным результатом исследования М.В. Литовченко представляется раскрытие многогранных и многоуровневых связей прозы Чехова с творчеством (и прежде всего с поэзией) Пушкина, позволяющее выявить сущностные основы русской классической литературы в ее историческом развитии. В зону исследования вошел широкий круг произведений Пушкина и Чехова, в том числе как составляющих основной корпус их творчества, так и редко попадающих в поле зрения литературоведов. Прделанная работа имеет большие перспективы, намеченные в Заключении, но в целом диссертация представляет собой вполне завершенное и самостоятельное исследование, результаты которого могут иметь несомненную значимость в научной, образовательной и эдиционной практике.

Н.Е. Разумова